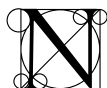

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Очаруй
меня*

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л59

Серия «Королева любовного романа»

Johanna Lindsey
MAKE ME LOVE YOU

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Художественное оформление *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*
Студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения издательства
Gallery Books, a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Линдсей, Джоанна.

Л59 Очаруй меня : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Королева любовного романа).

ISBN 978-5-17-100956-4

Бесконечные распри между семействами Уитворт и Вулф вывели из себя даже легкомысленного принца-регента. Он приказал враждующим семьям прекратить ссору и породниться, обвенчав Брук Уитворт, дочь графа, со злейшим недругом ее старшего брата Роберта — Домиником Вулфом.

Коварный Роберт уже придумал, как использовать этот план в своих целях, ведь если Доминик отвергнет нежеланную невесту, то будет подвергнут опале, отлучению от двора и, возможно, даже изгнанию. Однако юная Брук нарушает его хитрые замыслы, неожиданно и страстно влюбившись в Доминика. И девушка готова на все, чтобы пробудить в сердце «жениха поневоле» ответные чувства...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Johanna Lindsey, 2016
© Перевод. Т.А. Перцева, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-100956-4

Глава 1

Это невыносимо! Как смеет это распутное ничтожество, жалкая пародия на королевского наследника предъявлять ультиматум Уитвортам?!

Хотя Томас Уитворт стремительно старел и был на двадцать пять лет старше жены, все же его лицо почти не поддавалось воздействию времени. Правда, волосы его стали снежно-белыми, но о каких-либо глубоких морщинах и речи не шло. Пусть он был стар и мучился от боли в суставах, тем не менее вполне еще мог считаться красивым. Непомерная гордость и природное упрямство не позволяли ему выказывать боль, особенно в присутствии посторонних, хотя для этого требовалась вся сила воли.

— Но теперь он регент! Официально назначенный! Англия и ее поданные отныне в его власти, — напомнила Харриет Уитворт, ломая руки. — И не так громко, Томас, пожалуйста! Его посланник еще даже из дома не успел выйти!

Зато успел уже выйти из комнаты. Поэтому Томас позволил себе с облегченным вздохом рухнуть на диван.

— Воображаешь, будто мне есть дело до того, что он может услышать? — прорычал Томас. — Пусть радуется, что я не пнул его коленом под зад, чтобы помочь вылететь из чертовой комнаты.

Харриет поспешила к двери гостиной и на всякий случай плотно ее прикрыла, а затем повернулась к мужу и прошептала:

— Если даже и так, не хотим же мы, чтобы принц-регент узнал наше мнение о нем!

Она вышла за Томаса, графа Тамдона, самого завидного жениха того времени, будучи совсем молодой, и даже в сорок три года все еще по праву считалась красавицей. До сих пор Харриет могла похвастаться роскошными светлыми волосами и несравненными прозрачно-голубыми глазами. Она думала, что сможет полюбить мужа, которого ей выбрали родители, но он ничем не поощрял ее стремлений, так что взаимные чувства супругов никак нельзя было назвать пылкими. Томас обладал неуступчивым и жестким характером, но она уже научилась жить с мужем, не становясь жертвой его ярости, мало того, умудрялась никогда не становиться ее причиной.

И, к сожалению, стала такой же жестокой и бесчувственной, как и он, и считала, что никогда не простит мужа за то, что превратил ее в копию самого себя. Но он, по крайней мере, пренебрежительно не отмахивался от ее советов, а иногда даже соглашался и принимал ее предложения. Учítывая то, каким человеком был Томас, это говорило о многом, так что, возможно, все-таки она была ему небезразлична, хотя он никогда этого не показывал. Впрочем, теперь Харриет уже и не нуждалась в его тепле и привязанности. Откровенно говоря, она втайне желала его смерти, чтобы вновь обрести свободу и быть собой... если только это возможно после всего пережитого. Но Томас Уитворт был слишком упрямым, да же чтобы хотя бы умереть вовремя.

Она принесла ему плед, укрыла колени и попыталась обмотать вокруг ног, но он оттолкнул ее руки и все сделал сам. Лето почти пришло, но даже в жару, когда другие потели, Томаса трясло от холода. Он ненавидел свою немощь и ноющие суставы. По большей части он заводил скандалы только потому, что постоянно злился из-за своего бессилия. Как обидно, что он уже не так молод и энергичен, как раньше! Но сегодняшний взрыв ярости был из-за принца-регента.

— Какая невероятная наглость! — продолжал бушевать Томас. — Полагаешь, он не знает, что о нем думает народ? Гедонист, не интересующийся политикой, поглощенный только удовольствиями, которые способны доставить его положение! Он наверняка просто замыслил конфисковать наше богатство, поскольку, как обычно, из-за своей расточительности залез в долги, а парламент отказывается их платить!

— Я в этом не столь уж уверена, — покачала головой Харриет. — Одну дуэль, несмотря на запрет, можно проигнорировать. Об этом упоминал посланник. Две дуэли могут вызвать недовольно поднятые брови, но все же и на это иногда закрывают глаза, поскольку никто пока не умер. Но последняя дуэль Роберта с этим северным волком вызвала слишком много шума, а позже и скандал. И виноват наш сын. Он должен был уклониться от дуэли.

— И заработать клеймо труса? Конечно, он не мог уклониться! По крайней мере, на этот раз он едва не убил Доминика Вулфа. Ублюдок, конечно, еще может умереть от раны, и тогда его жестокая вендетта и наглый план регента содрать с нас деньги провалятся.

— Думаешь, принц Георг блефует? Что ничего не сделает, если мы не заключим мир с лордом Вулфом, как он того требует? Боюсь, что нет. Одна дуэль — во имя чести, но три — явное покушение на убийство, а кроме того, люди слишком громко протестуют против дуэлей, и очень многие в этом случае поддержат регента. Может, мы покончим с этой враждой, или ты хочешь увидеть, как твой сын снова будет рисковать жизнью? Должна ли я тебе напомнить, что он уже трижды был ранен на этих дуэлях?

— Мне не нужно напоминать об этом, жена. Но принц-регент так же безумен, как его отец, если воображает, что брак между нашими семьями закончит давнюю распрю и умаслит Доминика. Волк скорее загрызет твою дочь, если его вынудят жениться и уложить ее в постель.

Харриет поджала губы. Ее всегда бесило, что муж неизменно говорит о Брук «твоя дочь». Не «наша дочь».

И так было с того дня, как Брук родилась. Томас бросил взгляд на свою прекрасную дочь и с презрительным рычанием отвернулся. Он желал сыновей. Много сыновей. Не писклявых девчонок. Но ничего не поделывать, Харриет сумела дать ему только двоих детей. Остальные пять беременностей ей не удалось доносить.

Но теперь она сказала то, что, по ее мнению, он хотел услышать, сказала так же безжалостно, как сказал бы на ее месте он сам:

— Лучше она, чем Роберт. Роберт твой наследник, а Брук в этом доме — всего лишь еще один рот, который нужно кормить.

Наследник Уитвортов выбрал именно этот момент, чтобы войти в гостиную. И, очевидно, услышал последнюю фразу.

— Отошли ее немедленно, — скучающим тоном посоветовал он. — Волк не примет ее. И тогда он потеряет земли и титул, в то время как мы выполним коварное требование регента заключить «союз».

Чего-то в этом роде Харриет и ожидала от сына, никогда не питавшего любви к сестре. Он был копией своего отца: такой же невысокий, но и такой же сильный и красивый, каким когда-то был Томас. К сожалению, Роберта сложно было назвать совершенством, но мать любила сына, несмотря на его недостатки.

У обоих детей были черные волосы Томаса и его светло-зеленые глаза. Ростом и фигурой Брук пошла в мать, девушка была даже на несколько дюймов выше Харриет.

О недостатках Роберта можно сказать, что он, к сожалению, был таким же гедонистом, как и принц-регент, и в свои двадцать три года уже завел несколько любовниц дома, в Лестершире, и в Лондоне. Но, честно говоря, когда он хотел чего-то добиться, он умел быть обаятельным. В остальное время характером он напоминал отца и презирал всех: и равных себе, и слуг.

Томас был так взбешен визитом посланника принца-регента, что не позволил Роберту с обычным его высокомерием отмахнуться от происходящего.

— Если бы ты по собственной вине не влип в такую же ситуацию, как прошлогодняя, если бы не нарушил слова...

— Я не нарушал, — поспешно вставил Роберт.

— Ты назвал эти дуэли пустяком, но решимость Вулфа получить сатисфакцию говорит о серьезности его намерений, что пустяком не назовешь. Какой дьявол подтолкнул тебя снова полезть на рожон?

— Ничего подобного! Я встречался с ним в Лондоне всего несколько раз и клянусь, он не объяснил, по какой причине желает моей смерти. Полагаю, это ревность или какое-то оскорбление, которое я, сам того не заметив, ему нанес. Он ведет себя просто абсурдно, не желая объяснить, что именно ему не нравится.

— В таком случае у тебя есть все причины отказываться от этих дуэлей.

— Думаешь, я не пытался? Он назвал меня лгуном. Не мог же я игнорировать подобные вещи, не так ли?

Харриет хорошо знала сына. Он был склонен замалчивать правду, если эта правда была не в его пользу. Но Томас верил сыну. Еще бы не верить! И он был не намерен наказывать своего драгоценного отпрыска!

— Ты знал об этом возмутительном требовании принца? — немного успокоившись, спросил Томас.

— Меня предупредили, что Георг может на это пойти, поэтому я и вернулся из Лондона. Он принимает idiotские советы своих прихлебателей, которые стонут, утверждая, что его кошелек по-прежнему туго завязан. Регент надеется, что мы не обратим внимания на его смехотворные предположения о том, что этот глупый союз положит конец насилию. Надеется, что сможет выполнить свою угрозу. Полагаю, вы не станете угождать ему подобным образом.

— Так ты считаешь, что он не блефует?

— К сожалению, нет. Наполеон в Европе убивает достаточно много англичан. Советники регента считают, что если английские аристократы тоже начнут убивать друг друга, это плохо повлияет на настроение людей.

Поэтому принц делает все, чтобы подобные утверждения разделял каждый и всякий. И если он начнет грозить нам королевским молотом, чтобы наказать за неповиновение, он получит надежную поддержку.

Томас со вздохом глянул на жену.

— Где девчонка? Полагаю, нужно ей сообщить, что она выходит замуж.

Глава 2

Теперь они будут ее искать!

Брук резко поднялась со своего места под окном гостиной, где все это время просидела на корточках, и ринулась в конюшню.

Она слышала все, даже то, что сказал родителям посланник регента. Брук как раз шла к конюшне, когда к воротам подъехал модный экипаж. Ее разобрало любопытство, и она решила остаться и узнать причину приезда незнакомца. Дома не принимали гостей — только когда приезжали в Лондон. Так что в графстве у них почти не было друзей. А Брук никогда ничего не рассказывали, поэтому подслушивать вошло у нее в привычку.

Сначала Брук будут искать в ее комнате, затем в оранжерее и только потом в конюшне. Во всех трех убежищах.

Но пока что она не хотела, чтобы ее нашли, поэтому даже не остановилась посмотреть, заживает ли вывихнутая правая передняя нога жеребца и не погладила новорожденного жеребенка. Она просто приказала мальчишке-помощнику поскорее оседлать Ребел* — ее лошадь. Брук назвала лошадь так, потому что сама была мятежницей, во всяком случае, в душе. Презирала жизнь, которую вела, и мечтала ее изменить. Конечно, это было невозможно, и Брук, в конце концов, была вынуждена смириться.

Она не стала ждать конюха, который ушел на обед. Ему вовсе необязательно сопровождать ее, потому

* Rebel — мятежный, непокорный (англ.). — *Примеч. ред.*

что Брук разрешено ездить исключительно по землям Уитвортов. Правда, земли эти были обширными. Их четверть занимала большая овечья ферма — основа богатства Уитвортов, многие годы торгующих овечьей шерстью. Конечно, никто из семьи понятия не имел, как стричь овец. Остальная земля либо пустовала, либо заросла лесом. И по пустошам, и по лесу можно было мчаться галопом, а это было именно то, в чем Брук сегодня нуждалась. Прежде чем родители сообщат ей «новости», ей требовалось достаточно времени, чтобы осознать все, только что подслушанное.

Первой ее реакцией было крайнее недовольство Робертом, дуэль которого будет стоить ей давно обещанного лондонского сезона. На почве подготовки к этой поездке она даже сблизилась с матерью. А Брук не так уж часто ее видела. Не зная она мать лучше, подумала бы, что та предвкушает путешествие в Лондон.

Скоро Брук предстояло сложить вещи и уехать отсюда. Ей уже купили сундуки и сшили новый гардероб. Харриет устраивала дочери сезон в Лондоне вовсе не из любви к ней. Просто этого ожидало от родителей девушки общество, а мать всегда делала то, что от нее ожидало общество. И Брук никогда не ждала чего-либо с таким нетерпением, как этой обещанной поездки. Вот тебе и обещания!

И тут на нее нахлынул страх. Ей придется выйти замуж за абсолютно незнакомого человека!

Но пока они с Ребел летели по лугу, она поняла, что подобная перемена планов может быть своего рода благословением, потому что это самый быстрый и надежный способ убраться подальше от этой семейки. Брук волновалась, что, приехав в Лондон, окажется не на своем месте, потому что практически не обладает никакими умениями, необходимыми леди, и поэтому ни одному мужчине не захочется на ней жениться. Теперь эти тревоги исчезли.

И хотя разочарование и страх по-прежнему оставались, все же ей с трудом удавалось сдерживать улыбку.

Губы помимо ее воли так и растягивались в стороны... Она никогда прежде не испытывала столь противоречивых эмоций, но похоже, страх перед человеком, который «вполне возможно, убьет ее, как только затащит в постель», и перспектива жизни вдалеке отсюда не могли затмить радости от мысли, что она навсегда оставит дом.

Конечно, она предпочла бы не быть брошенной в пасть волка, но любая судьба лучше, чем жить в семье, где ее не любили.

Доскакав до леса, Брук придержала лошадь и направила ее по хорошо знакомой тропинке. Именно этой дорожкой они с горничной Алфридой ходили за травами. В своих бесчисленных путешествиях в самую глубину леса они сами протоптали тропу.

На маленькой залитой солнечным светом полянке Брук спешила и посмотрела на небо. Криком выплеснула ярость, потом заплакала страх и наконец рассмеялась от облегчения. Наконец-то она вырвется из-под власти бессердечных родных.

Боже, она не станет скучать по дому и этим людям... кроме слуг, конечно. Элис, горничная, убирающая наверху, подарила ей к сезону коробку вышитых вручную лент. Брук рыдала, поняв, сколько времени и любви вложено в этот труд. А кухарка Мэри, которая при встрече всегда ее обнимала и совала в руку пирожок! Или Уильям, конюх, который из кожи вон лез, чтобы рассмешить Брук, часто впадавшую в мрачное настроение. Но она будет безутешна, если вместе с ней в Йоркшир не сможет поехать ее горничная. Слишком сильно будет тосковать по Алфриде Уичвей, которая была вместе с Брук с первых дней ее жизни. У Харриет почти сразу же пропало молоко, и Алфрида, недавно потерявшая ребенка, сначала стала кормилицей, а потом и горничной Брук. Эта тридцатитрехлетняя женщина с темными, как ночь, глазами и волосами стала ей настоящей матерью, куда более родной, чем Харриет. А также лучшим другом. Грубоватая, властная, иногда возмутительно резкая, Алфрида ни в малейшей степени не была услужливой, мало

того, считала себя равней всем окружающим. Причина, по которой Брук проводила так много времени, ухаживая за растениями в оранжерее, была проста: Алфрида желала иметь все необходимые ей травы, причем круглый год.

Обитатели деревни Тамдон полагались на Алфриду, лечившую их болезни. Они приходили на кухню и передавали свои просьбы судомойкам, а уж те шли к Алфриде, которая отдавала им свои травяные отвары и настои в обмен на монетку. Алфрида помогала людям так долго, что Брук считала, что она уже успела изрядно разбогатеть. Хотя люди называли ее не знахаркой, а ведьмой, все же они выпрашивали ее зелья. Алфрида держала свое искусство целительницы втайне от семьи Брук, опасаясь, что ее обвинят в колдовстве и выкинут из дома.

— Обычно у тебя есть причины плакать и злиться, но почему ты смеешься? Что тебя так обрадовало, куколка? Поездка в Лондон?

Брук подбежала к выступившей из-за дерева Алфриде.

— Не в Лондон, но все равно поездка. Пойдем, расскажу довольно хорошую новость... в некотором роде.

— Довольно? — рассмеялась Алфрида. — Разве я не объясняла тебе опасность противоречий?

— Тут ничего нельзя поделать. Меня отдадут в жены врагу моего брата. Конечно, не добровольно, а по просьбе принца-регента.

Алфрида вскинула брови:

— Королевские особы не просят. Они требуют.

— Совершенно верно, и угрожают страшными последствиями, если их требованиям не подчинятся, — добавила Брук.

— Ты бы отказалась подчиниться?

— Не я. Мои родители. Но они решили не проверять, блефует ли регент, и спешно отослать меня к этому человеку. Роберт считает, что он от меня откажется, так что, возможно, никто не принудит меня за него выйти.

— Ты так и не сказала, что тебя так радует в этом плане, — пронизательно заметила Алфрида.

— Если это означает расставание с семьей навеки, я выйду за него по своей воле. И в его пользу говорит уже то, что он трижды пытался убить моего брата. За это я готова его полюбить.

— Ты имеешь в виду те дуэли, о которых упоминали твои родители?

— Да.

— Для удовлетворения чести обычно бывает достаточно одной. Ты так и не узнала, из-за чего они дрались?

Брук улыбнулась, поскольку Алфрида хорошо знала о ее склонности подслушивать.

— Когда Роберт в последний раз приезжал домой, мать спрашивала об этом, но он отмахнулся, сказав, что это не стоящая внимания чепуха. Очевидно, там что-то серьезное, но когда отец сегодня спросил его, чем он вызвал такую ярость северного лорда, Роберт поклялся, что не знает. Но мы с тобой прекрасно понимаем, что он солгал.

Алфрида кивнула:

— По крайней мере, у вас с этим человеком, который будет твоим мужем, есть нечто общее. Хорошее начало.

— Да, мы оба уж точно не любим моего брата, но все же я не пыталась убить Роберта, как он жаловался в детстве, — упрямо сказала Брук. — Я действительно тогда поскользнулась и упала, пытаясь обогнать его на лестнице, и нечаянно ткнулась в его спину. Я успела схватиться за перила, а он покатился вниз. Потом он заявил, что я нарочно его толкнула, а родители, как всегда, ему поверили. Поэтому, пока он не выздоровел, я сидела в запертой комнате. Но клянусь, он несколько лишних недель притворялся, будто вывихнутая нога не заживает, потому что знал, как я ненавижу сидеть за закрытыми дверями. Но мне все равно, что он думает. Он, как тебе известно, ненавидел меня задолго до того.

Алфрида обхватила Брук за плечи и крепко обняла.

— Будет просто прекрасно, если ты больше не увидишь этого противного мальчишку.

Брук включила бы в это утверждение и всех родных, но вслух ничего не сказала.

— Вероятно, я уеду в течение недели. Ты поедешь со мной? Пожалуйста, скажи, что поедешь!

— Ну конечно, поеду!

— В таком случае проведем день, пополняя твои запасы и выкапывая травы, которые можно пересадить. Неизвестно, сможем ли мы найти такие на севере.

— Где именно на севере?

— Не знаю. Пока что мне ничего не сказали. Я только...

— Да знаю я, как ты собираешь информацию, — со смехом перебила ее Алфрида.

Глава 3

Целый день она провела вместе с Алфридой за сбором ее любимых трав. Брук вернулась в дом уже на закате. Прежде чем присоединиться к родным, она намеревалась тихонько прокрасться в свою комнату, переодеться и поужинать. Маловероятно, что они выслали людей на ее поиски. Во всяком случае, никто и близко не подъехал к лесу. Вряд ли отец желает поговорить с ней немедленно. Вполне возможно, она услышит о будущем браке лишь в день отъезда, ведь родным абсолютно безразлична ее судьба.

Она поспешила по коридору и прошла мимо столовой, где, скорее всего, сидели за ужином родители и брат. Брук никогда не ела в этой комнате.

«Твой отец не любит напоминаний о том, что ты родилась девочкой, так что мы не будем обременять его твоим присутствием».

Она смутно помнила, когда мать сказала это впервые. К тому времени Брук уже достаточно подросла, чтобы выходить из детской. Это правило было одним из немногих добрых дел, сделанных для нее матерью, потому что в присутствии отца Брук полностью лишалась аппетита. Она любила есть на кухне со слугами, которые о ней заботились, а атмосфера там была самой друже-

ской. В кухне то и дело звучал смех. Эти люди любили ее, и будут плакать, когда она уедет. В отличие от родственников.

Она уже начала подниматься наверх, но тут третья ступенька скрипнула. Поскольку в столовой в этот момент царил тишина, скрип услышали.

— Девушка! — завопил отец.

Брук сжалась от его резкого тона, но послушно вошла в столовую и, склонив голову, встала в дверях. Она была покорной дочерью. По крайней мере, так считали *они*. Брук никогда не нарушала правила, разве что в тех случаях, когда была твердо уверена, что ее не поймут. Она никогда не спорила, не повышала голоса, не противилась приказу, как бы этого ни хотела. Брат называл ее серой мышкой. Отец давным-давно ясно дал понять, что желает ее только видеть, но не слышать. В детстве она еще пыталась проявить непокорность, но эти крохотные искорки мятежа подавлялись пощечинами или суровыми наказаниями. Брук быстро научилась притворяться послушной, хотя в ее душе бушевала ярость.

— Неужели я так давно не видел тебя, сестрица, или ты настолько выросла за одну ночь? Теперь ты уж точно не похожа на мышку.

Она спокойно встретила взгляд Роберта. На него она вполне способна смотреть. Причем пристально. Брат не заслуживал ее уважения и никогда его не получит. Но ее сильно задевало то обстоятельство, что во всей этой ситуации виноват он и что ее собираются просто принести в жертву ради его спасения. Он наверняка натворил что-то кошмарное, в этом она не сомневалась. Недаром северный лорд так взбешен, что три раза подряд требовал дуэли!

— Я тоже не видела тебя несколько лет, так что, вполне возможно, ты прав в том, что это действительно долгий срок, — ответила она глухо. Лицо ее при этом оставалось абсолютно бесстрастным. Это дается так легко, когда овладеешь искусством обмана! Ее нелюбящая семья не подозревала, сколько боли причинила ей за все эти годы.

Хотя отец и позвал дочь в комнату, все же он не произнес еще ни слова. Возможно, он тоже был удивлен, увидев перед собой не маленькую девочку, которую изредка встречал в коридорах. Она намеренно старалась держаться от него подальше, что было совсем просто, если учесть размеры дома и распорядок отцовского дня. Подобно Роберту, Томас привык проводить много времени в Лондоне, но в последние годы его боли в суставах усилились. Харриет не всегда ездила с ним в столицу. Когда женщины оставались в доме одни, мать интересовалась Брук и даже разговаривала с ней. У них устанавливались вполне нормальные отношения. Поведение матери сбивало Брук с толку. Она предполагала, что когда Томаса и Роберта не было рядом, Харриет просто чувствовала себя одинокой, а может, немного не в себе, потому что как только Томас или Роберт возвращались, она начинала вести себя так, словно Брук не существовало.

Роберт встал и швырнул салфетку на тарелку.

— Поговорю с тобой позже. Для того, чтобы добиться успеха в этом предприятии, нужна определенная стратегия.

Он собирается ей помогать? Да она скорее обнимет ядовитого аспида, чем примет от брата предложение помощи!

Но поскольку еще никто не сказал, почему ее позвали в столовую, Брук промолчала и просто ждала, пока ей объявят вердикт.

Первой заговорила мать, объяснив все, что Брук уже знала. В обычной семье дочь уже сыпала бы вопросами, а может, и протестовала. Но не в этой семье и не Брук.

— Почему ты не сказала, что она уже достигла брачного возраста? — перебил жену Томас. — Мы могли бы договориться о помолвке по своему выбору, и тогда не попали бы в эту абсурдную ситуацию!

Брук про себя улыбнулась. Мать пыталась подготовить ее к замужеству, поскольку не желала, чтобы дочь опозорила семью, оказавшись полной дурочкой. Хо-